

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (В.М. Межуев):

У меня по этому докладу напрашиваются два вопроса. Первый: не могли бы Вы более точно определить, что Вы понимаете под постмодерном? Для Вас это только негатив? Все-таки постмодерн более терпим к «инаковым» ценностям, чем модерн. Второй вопрос — может быть, самый главный: спорить, конечно, трудно о том что система русских ценностей, российских ценностей в какой-то степени отличается от системы иной. Но хотя бы в самом общем виде: в чем различие этих систем ценностей? Потому что на слух это звучит примерно одинаково.

Ответ:

По поводу ценностей. Просто у нас с Западом полярно противоположная социально-политическая антропология. Мы — холисты, а не индивидуалисты и атомисты. Отсюда наш патернализм; не холизм от патернализма, а наш патернализм — от холизма. Иными словами, какая у нас социально-политическая антропология? Мы считаем, что коллектив или общее — либо это будет соборность в качестве церковности, либо монархия, выстроенная по принципу царя-отца, либо это коллектив-община — первичен. У нас доминируют общинные ценности — то, что Фердинанд Теннис называл «Gemeinschaft» («община»). Мы не вышли до конца из «Gemeinschaft», не перешли к «Gesellschaft» («обществу»). Наша политическая социальная антропология коллективна. Мы один без другого, т. е. без целого, не чувствуем себя субъектом. Для нас часть не тождественна целому — как в индивидуализме, атомизме; мы есть только тогда, когда мы собираемся в целое. Наше бытие соборно. Из этого вытекает совершенно особая, чем на Западе, социальная и политическая теория, которая варьируется от царизма до коммунизма;

особая система культурных ценностей, совершенно особые взгляды и приоритеты — не главенство успеха, удачи, благополучия, но скорее чувство справедливости, сопереживание или всеобщая радость. Это имеет и положительный аспект, как любая система ценностей, и отрицательный, поскольку поэтому мы ленивы, бестолковы, мы не оттачиваем индивидуальные качества. При этом и плюсы наши связаны с этой социально-политической антропологией. Она у нас осмыслилась и правыми — славянофилами (Хомяков, Кириевский писали о целостности), и левыми народниками и марксистами.

Теперь по поводу постмодерна. Первое, постмодерн — это то, к чему пришел модерн на своей последней стадии, и сегодня вернуться к модерну уже невозможно. Постмодерн представляется реализованным телосом модерна, это не абберация на пути модерна, это не отклонение, это телос. Это терминал, куда ехали, ехали и приехали. Но если очень долго ехали, то мы привыкли жить в поезде. Представьте себе, что мы приехали на конечную остановку и нам говорят: «Выходите». А мы сидим и думаем: «Как же так, мы привыкли, мы уже столько поколений едем». А вот все, конец.

Вопрос (В.М. Межуев):

Что это за конечная станция?

Ответ:

Это очень сложный вопрос. Что касается шансов, то процитирую напуганного Хабермаса: «Постмодерн дает шанс возврата в премодерн», «домодерн», т. е. традиционное общество. Постмодерн заканчивает модернистскую жесткость, нетерпимость, модернистский проект. Сам по себе изнутри модерн выдыхается и становится постмодерном. Здесь критика Бодрийара в полной мере верна. С другой стороны, это оставляет нам шанс. Поэтому я считаю, что, в первую очередь, надо понимать, что сегодня мы имеем дело именно с этим исчерпавшим себя модерном, который добился цели: напри-

мер, полного перехода политики в экономику. Модерн — это политика, постмодерн — это замена политического экономическим, это глобальный переход к глобальному «la société marchande», «рыночному обществу» вместо общества с рынком. Д. Белл пишет о том, что является препятствием для дальнейшего технологического развития. Это — культура. Вполне откровенно. Для того чтобы перейти к постиндустриальному обществу, надо вообще аннигилировать культуру. Такова суть постиндустриального общества.

Реплика (А.И. Неклесса):

Вадим Михайлович, я думаю, что произнося «постмодерн», мы просто констатируем, что это определение некой новой социальной реальности, которая может быть прочитана и просчитана по-разному. Но это, по-моему, предмет уже несколько иной дискуссии.

Вопрос (В.В. Журавлев):

Вадим Михайлович Межуев уже задал Вам вопрос, но Ваш ответ на него (о ценностях) заставляет меня уточнить. Вы говорите, что у нас отличные от Запада ценности, но сами показали, что набор ценностей общецивилизационного порядка уже устоялся и примерно одинаков. Так, семейные ценности в любом цивилизованном обществе существуют. Может быть, все-таки речь идет не об отличии ценностей, а об отличиях во внутреннем содержании и иерархии этих ценностей?

Ответ:

По поводу семьи. Мы знаем, каково отношение к семье в современном европейском обществе. Вначале был переход от органической формы к социальному контракту, потом семья все больше и больше становится такой временной стоянкой, stage. Постепенно меняются и половые, гендерные роли в семье. Если вы считаете, что в современной западно-европейской культуре семья является ценностью, а не прос-

то фактом, оставшимся от предыдущей формы, мне странно это слышать. На самом деле, мы как раз не двигались в этом направлении. Для нас семья — все еще ценность. Хотя по мере нашей модернизации она становится этой ценностью все меньше и меньше. Я говорил о семье в другом контексте. Для нас все общество и даже государство выстраивается по парадигме семьи. Мы видим в обществе проекции семейных отношений, т. е. нечто противоположное тому, что происходит в западноевропейской культуре, где индивидуальное начало, индивидуальные роли вначале разделили общество, фрагментировали его на семьи, а потом разлагают, фрагментируют сами семьи. Соответственно, курс или движение наших ценностей или ценностные приоритеты совершенно разные. Не просто их иерархия или композиция различаются, а они вообще разные. Есть две социальные антропологии. На фундаментальный вопрос «что в начале, часть или целое?» западный человек отвечает: «часть». Это то, за что западный человек умрет и убьет, потому что часть — это частная собственность, privacy, приватное, индивидуальное, свобода, liberty. Это ценности, которые являются не просто подразумеваемыми, но агрессивно и эксплицитно утверждаемыми западным обществом. Наше же общество на всех своих этапах развития демонстрировало категорическое неприятие этой фрагментарной антропологии, настаивая на противоположном, я подчеркиваю, конфликтном, альтернативном, ином подходе, холистском подходе. Целое для нас важнее, чем частное. И мы за целое готовы убить и умереть. Западный человек делает то же за частное. Я считаю, что это более чем достаточное основание для того, чтобы говорить о разных ценностных системах.

Вопрос (В.П. Булдаков):

У меня вопрос несколько иного плана, гипотетического. Если представить себе, что Запада — ни в домодерной, ни в модерной, ни в постмодерной ипостаси — не существует,

что было бы с Россией? Как бы она выглядела? Как развивалась? Что бы из этого получилось?

Ответ:

Отличный вопрос. И очень конструктивный, на мой взгляд, потому что он подводит нас к той модели, которую я изложил, — нашей идентичности. Кем же является Запад? Есть ли в социологии понятие «значимый иной». С моей точки зрения, Запад является значимым иным. «Иной» — это означает обладающий иной идентичностью; «значимый» подразумевает, что он имеет колоссальное значение, что по отношению к этому иному мы выстраиваем, в том числе, и свою собственную идентичность. Есть незначимый иной. Для нас, например, корейская цивилизация — это незначимый иной. Мы с ней действительно не сталкиваемся, мы ее не знаем, хотя это тоже цивилизация, это интереснейшая цивилизация — со своей системой ценностей. Я не хочу умалять ее значение, но она для нас никогда не была значимой. Запад же был для нас значимым иным. И остается им.

Реплика (В.М. Межуев):

То есть, если бы его не было, его надо было выдумать.

Вопрос (Е.Г. Пономарева):

У меня вопрос по поводу концепта Запада. Вы предлагаете рассматривать Запад не в единстве, Вы говорите о двух Западах. Есть даже более широкая точка зрения. В частности, М. Ильин считает, что западов много: не два и не три, а, может, и десять-пятнадцать. Не кажется ли Вам, что если исходить из этой точки зрения, то концепт Запада вообще размывается? Очень сложно выстраивать с ним отношения. Россия пока, слава Богу, одна. Как ей выстраивать отношения с этими западами? Более того, непонятно, что нас, в конце концов, разделяет и что станет главной точкой борьбы? Это первый вопрос. И в продолжение его. Не проще ли взять за основу не

технологический, не географический, не ценностный аспект, а, например, то, что Запад — это сердцевина вызревания, формирования капсистемы. Связать с конкретной системой хозяйствования и отсюда — все ценности и т. д. Может быть, можно так? Или Вы отстаиваете свою позицию?

Ответ:

Во-первых, бывает, что один — слишком мало, восемь — слишком много. Есть определенная релевантная размерность гипотез. Я говорил в своем докладе о трех понятиях Запада. Это технологический Запад, который совпадает с технологией, парадигмальный Запад, куда можно отнести, к примеру, Японию. Для меня это было принципиальным. Есть еще одна часть — за вычетом Японии, за вычетом других стран, которые имеют некие технологические уклады. Это Запад-2. Этот второй Запад имеет европейский и американский полюса. Эту размерность, на мой взгляд, увеличивать не имеет смысла. Но если мы начнем сокращать, то впадем в слишком грубую аппроксимацию. Увеличивая эту размерность — говоря, что есть еще Запад средиземноморский или скандинавский, — мы привнесем в наш анализ множество иррелевантных факторов. Оставляя те слои или полюса Запада, которые я выделил — даже не столько я (это результат работы большого числа исследователей), — мы ограничиваем объект рассмотрения главными параметрами. Но мне представляется, что именно такое выделение уровней и смыслов понятий «Запад» полезно для решения нашей главной проблемы.

Относительно России. Если утверждать, что Россия одна, это нас никуда не приведет. Я говорил в докладе о двух идентичностях. У нас существует Россия масс, которая, скорее всего, цивилизация, и Россия элит, которая, скорее, часть Запада. Соответственно, и в этом вопросе с двумя или тремя Западами соотносится отнюдь не одна Россия, а, как минимум, две. Эти две идентичности я тоже выделил. Поэтому, как мне представляется, модель, которую я предлагаю, оптимальна с операци-

онной точки зрения. Это даже и не совсем модель. Это нечто среднее между огромным количеством философских и цивилизационных исследований и газетными статьями. Это попытка сделать определенный философский, концептуальный геополитический аппарат максимально понятным и практически употребимым. Это даже не гипотеза — для гипотезы это слишком мало — это почти общее место. Что касается капиталистической системы, о которой Вы спрашиваете, здесь можно взять Фернана Броделя и посмотреть, как формирование капиталистической системы (или Вебера, о котором мы начали говорить) было связано с западноевропейской цивилизацией. Или можно взять Зомбарта. Эта капиталистическая система стала определенным выражением или резюме западноевропейского развития, которое, конечно же, началось до модерна, поэтому мы говорим о католической теологии (Зомбарт), а особенно о протестантской этике (Вебер), или Бродель о тех кругах развития совершенно специфических хозяйственно-культурных отношений средиземноморского, потом западноевропейского ареала. Иными словами, Запад и капитализм — понятия очень и очень близкие, если не тождественные.

Вопрос (В.И. Якунин):

Что является объединяющим элементом между понятиями «цивилизационные признаки» и «цивилизационные ценности» или «общественные ценности»? Есть ли что-то объединяющее?

Ответ:

Как правило, такой анализ дается на двух уровнях: простейшая модель — это ценности и интересы. В цивилизационные признаки входят интересы, которые могут проистекать из эгоистических интересов, и ценности, представляющие собой идеалистический аспект цивилизации. Есть идейная тонкая форма цивилизации, состоящая из ценностей. Интересы подчас из этих ценностей напрямую не вытекают. Интересы могут быть совершенно самостоятельными, но вместе — и те

и другие, и ценности и интересы, когда они наличествуют, — вместе составляют то, что Вы, Владимир Иванович, называете «цивилизационными признаками». Обратите внимание: если мы сразу же поставим вопрос о цивилизационных признаках определенных обществ, у которых нет интересов или их интересы очень локальны, мы не можем говорить о них как о цивилизации. Вот, к примеру, какое-нибудь африканское племя — у него есть свои ценности, свои духи, свои боги, свои культурные основания, свои бытовые пожелания; но интересов, которые можно было бы системно и масштабно описать, — их нет. Поэтому мы не говорим, что это цивилизация. А вот, например, китайская или российская, европейская цивилизация — обладают и тем, и другим, поэтому они обладают всеми признаками цивилизации.

Вопрос (А.Н. Окара):

В Вашем выступлении звучит «евразийская цивилизация» и «европейская цивилизация». Все-таки, на каком уровне проходит граница? Возьмем, к примеру, славянскую Россию, а с другой стороны — мусульманский Татарстан. Возьмем Россию и православную Грецию. Получается, что мы являемся одной цивилизацией с Татарстаном, но с Грецией или Сербией между нами существует цивилизационная граница. Правильно ли я понимаю? По каким критериям — сакральной вертикали, духовной культуре, религиозным, или же типология политической культуры, феномен, который Вы описываете как русскую власть?

И второй вопрос. Ген Запада... Если использовать метафору, что западность — это определенный вирус, который может трансформироваться — возможно, во Францию, в Италию, в Англию, а потом — в США... Все-таки, откуда он происходит? Условно говоря, то ли это представление о дробности мира, о дискретности (Демокрит, Фома Аквинский)? Кто в европейской мысли является провозвестником, к кому восходит эта концепция Запада?

Ответ:

Сложный вопрос и интересный. С точки зрения идентичности российской цивилизации, можно выделить естественный ареал ее потенциального присутствия. Это не значит, что весь этот ареал уже находится под нами или внутри нас, он включает и то, что может находиться в нашей зоне влияния, что нам близко. Две зоны, принципиально; и их пересечение является основой российской цивилизации. Первое — это византийская зона, зона Византийской империи. В эту территорию попадают Греция, Сербия, Болгария и Румыния. И мы — часть Византийской эйкумены. С другой стороны — это Орда. Орда, добавляющая в нашу цивилизацию еще гигантский пласт восточных народов, восточных культур, которые счастливым образом через Московское царство и, вообще, через Московскую Русь нашли друг друга. У нас есть огромный задел в сторону Западной Европы по линии византийской культуры, у нас есть огромный задел в Азию — по линии ордынских границ. И то, и другое — это следы двух империй, наследниками которых является Россия. Мы наследники Византии, отсюда Москва — Третий Рим, и, соответственно, для нас взаимопонимание с греками или с другими православными народами — часть нашего наследия, нашей миссии. С другой стороны, мы, безусловно, наследники ордынской государственности. Это прекрасно показали Трубецкой, Савицкий и вся школа евразийцев. Мы наследники и части Запада, и части Востока. Есть Азия, которая нам комплиментарна (это то, что называют Туран); и другая Азия, которая от нас далека, — к нам имеет косвенное отношение. И есть Европа, которая нам близка, которая наша; и есть другая Европа, которая не наша.

В евразийство входит понятие «Европа» — это зона восточнохристианской византийской церкви, это восточное христианство. Наша Европа — не дальше. В евразийстве есть собственное европейское измерение — это греческое измерение, византизм. Византизм и есть наше западничество, не

дальше. Если бы мы остановились в нашем западничестве в границах византийской империи, это был бы очень здравый подход. Но у нас есть и настоящая азиатская линия. Никакой отдельной государственности там нет, там русские татары, русские якуты, русские буряты, живущие на своих землях, но интегрально и естественно включенные в наш ареал. Греки, правда, живут на отдельной территории (так получилось), они входят в Евросоюз. А могли бы жить в нашей цивилизации. Многие греки просили московских царей Константинополь забрать, а их освободить. Вот эти две зоны мне представляются потенциальными границами евразийской цивилизации. Мы чисто теоретически можем идти и к востоку, и на запад, и дальше. Но кто нас туда пустит? И самое главное, вряд ли нам удастся переварить больше.

Теперь что касается того, что на Западе было этим вирусом? Во-первых, вирус дает о себе знать, начиная с IX в., — безусловно, в этом переносе центра влияния на Запад — в Рим. Запад и Восток в христианском мире — это Рим и Греция. Хотя это можно увидеть еще с эпохи Античности; ближе к нам этот дуализм всплывает в средние века, в IX в. уже в христианском контексте. Запад начинает идти своим, западным, христианско-западным путем с IX в., с коронации Карла Великого. С этого момента через схоластику к номенализму, протестантизму, империцизму и современной науке, к Новому времени, к Декарту, и, кстати, через Галилея, реанимировавшего атомистов, которые были зародышем зла еще в древнегреческой, досократической цивилизации — этот западный вирус выплеснулся. В фильме «Гибель империи» отца Тихона (Шевкунова) прекрасно показано, что Византия стала жертвой этого западного полюса. Вирус имеет конкретное описание. Та же самая частная антропология — этот фрагментализм, который отлился позже в современный либерализм, — это метафизическая антропология части. Можно сказать, что вирус Запада заключается в следующей формуле: часть = целому. Вот это вирус Запада. Это как раз основной принцип либерализма.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Возможно ли уточнить позицию? В Вашем выступлении я уловил два мотива, две формулы, которые, несмотря на близость звучания, все-таки различны: Россия — не-Запад и Россия — анти-Запад. Если Россия неЗапад, значит, возможны и другие. Значит мир — многополярен. Россия, значит, может и без Запада. И вторая модель: если Россия — анти-Запад, то это как плюс и минус, т. е. она без Запада, собственно, не может существовать. Все-таки, какая модель? Очень легко можно представить Китай без Запада, Японию без Запада. Можно ли представить без Запада Россию?

Ответ:

Я говорил — «значимый иной». Мы утверждаем свое «я» на инаковости в отношении к Западу, а не в отношении к Китаю. Это очень сложный вопрос. Чем это может кончиться? История пока не закончилась. Мы еще не знаем, кто мы: не-Запад, анти-Запад, или альтер-Запад. Может, мы несем христианскую и европейскую идею гораздо лучше, чем Запад. Может быть... Если мы посмотрим на православное самосознание, это действительно именно так. Основа православного самосознания в том, что мы, русские, являемся единственными на свете носителями вселенской христианской, если угодно, одновременно греческой и римской идеи. Я к тому, что, может быть, мы альтер-Запад. Анти-Запад — не-Запад — это альтер-Запад. Я бы не стал здесь говорить или — или, потому что в нас есть и то, и другое, и третье.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Александр Гельевич, я хотел бы вернуться к вопросу, который вынесен на это заседание: что и почему разделяет Россию и Запад? На первом объяснительном уровне Ваш тезис был: у нас разные интересы и ценности. Почему они разные? Понадобилась вторая объяснительная оболочка, второй уровень глубины. Ваш тезис был: различна социально-полити-

ческая антропология. Детализируя, Вы сказали, что у нас коллективизм, там — интернализм, у нас холизм, там — часть = целому, соборность и т. д. Но ведь снова возникает вопрос: почему у нас так, а у них — так? Иными словами, просьба погрузиться еще на следующую объяснительную оболочку настолько, насколько Вы сочтете нужным по номерам этих оболочек спуститься, чтобы ответить на вопрос: когда эти почему иссякнут? В чем исходная суть, которая в истории воспроизводилась всегда, воспроизводится сегодня и, вероятно, будет воспроизводиться в будущем, разделяя Россию с Западом? Или когда-нибудь, после достаточно продолжительной совместной социально-политической истории, эта суть исчезнет и исчезнет разделение, Россия и Запад перестанут быть разделенными. В чем изначальная суть этого противостояния?

Ответ:

Я думаю, что есть два уровня — на уровне истоков и на уровне целей. Скажем, на уровне данности, инертности и на уровне заданий, перспектив, проектов. Западное общество, когда оно приняло монотеистическую традицию, христианство, сделало из этого совершенно специфический вывод, который заключается в выведении всех богословских, потом уже чисто философских и дальше — научных последствий из идеи личного спасения. Все культуры, кроме монотеистических, и даже иудейская монотеистическая культура — в отличие от христианской — чаще всего говорят об *общем* спасении, т. е. мы все спасемся вместе. Будем друг другу помогать, тащить. Это общие представления. В христианстве принцип личного спасения утверждается, но перетолковывался он по-разному с самого начала возникновения христианства в западной и восточной части. Там говорилось о личном спасении, а у нас утверждали: да, конечно, спасение личное, но все равно соборно, вместе, например, с империей. Отсюда возникла концепция «катехона», из Второго послания святого

апостола Павла к Фессалоникийцам, идея воздания *предпосылок* спасения, которая стала подчас важнее, чем факт спасения. Утверждали, что личного спасения можно добиться в исключительных случаях в любой ситуации, а вот предпосылки спасения для всех — это нечто совершенно отдельное. Спасти можно только в церкви, только в правильной церкви, а церковь — это уже совсем не личное. Исходя из этих двух моделей, в восточном христианстве сохранились устои, более связанные с представлением о коллективной сотериологии. В то время, когда на Западе, именно в западноевропейской части, в первую очередь, в римской части — тут очень интересно, тут опять дуализм Рима и Греции — в латинской части христианского мира от Тертулиана и Августина началось философское движение с попыткой вычленить это индивидуальное личностное начало. Это личностное начало привело уже потом, в конечном итоге, к современному положению вещей, к индивидуализму; но в начале лежала идея индивидуальной сотериологии. Если Запад пошел по этому пути, то Восток — нет, а христианский Восток шел, но медленнее, чем христианский Запад, и не так. Вот предпосылки. Если угодно, у нас было более устойчивое традиционное общество, более консервативное. Более модернистичное общество, более развитое, оттачивающее этот принцип индивидуального спасения, развивалось на Западе. Они двигались в этом направлении быстро, а мы медленно или вообще не двигались — не хотели, нас туда не тянуло. Это первый вопрос. Это наши объективные условия; восточные общества — более традиционные, западные — более модернистичные.

Есть еще вопрос об эсхатологии. Это еще интереснее. Дело в том, что постепенно западная цивилизация сформировала свой телос, т. е. свою цель, свою задачу, свое представление о конце, о том, к чему она идет. Это формирование западной эсхатологии, это уже проект будущего, футурологии. Все это меняло свои издания, начиная с полу-христианского представления о царстве Святого Духа, «третьем царстве»

(у Иоакима де Фьора) — сначала было царство Отца, потом царство Сына, а потом царство Святого Духа — через протестантских диспенсациалистов к более светским моделям, вплоть до Фукуямы и его «конца истории». Есть представление о логике истории, где, в конечном итоге, должно сложиться лучшее царство — царство доминации и господства западной цивилизации как носителя этой идеи надо всеми. Тогда кончится история. Есть религиозные версии, светские, есть экономические версии — распространение рынка, либерализма, глобализма, есть идеологические — права человека и т. д. Мы смутно понимали, что конец истории, к которому идет наша цивилизация, должен быть другим. Например, что Запад — это антихрист, и его якобы христианские проекты являются проектами антихриста. Это православная точка зрения, для старообрядцев это было очевидно. Хотя после раскола наша церковь могла учить об этом не особенно открыто. Потом мы облекли эсхатологическую веру в будущее в коммунистические одежды, и снова бились с Западом, как будто это была последняя битва, как будто это был Рагнарек, гибель богов. Конечно же, не только социально-экономические интересы двигали советской идеей. Посмотрите, как советские люди относились к Западу — это глубинная вера в иное будущее. Мы бились так, как бились наши предки с царством Антихриста. Таким образом, мы отличны от Запада в истоках, и мы отличны в целях. Эти цели все более и более приобретают конфликтологический характер, эсхатологический характер, конфликт двух телосов.

Реплика (С.С. Сулакшин):

Я вынужден заметить, что мое очередное «почему?» все равно существует.

Вопрос (А.В. Охоткин):

Мне больше нравится определение противоречий между Западом и Востоком, а не Ваше географическое определение

Запада и евразийского пространства, потому что я считаю, что отличие здесь принципиальное, не географическое. Сейчас водоразделом этого отличия являются духовные и материальные ценности, религиозные и атеистические. Вопрос заключается в следующем: Россия как восточная цивилизация способна, какие перспективы объединения этой восточной цивилизации под эгидой России? Я имею в виду, в первую очередь, православную цивилизацию, исламскую и здоровую часть иудейской цивилизации. Объединиться под одним духовным Востоком, который смог бы хоть как-то противостоять западному Антихристу.

Ответ:

С моей точки зрения, Россия является евразийской цивилизацией. А на Востоке есть и другие цивилизации — китайская, индусская, японская... Есть исламская цивилизация. Они обладают своими статусными полюсами. Я не думаю, что Россия должна как-то стремиться раскинуться на весь Восток. Россия — Евразия, у нас есть свои естественные границы. Я думаю, что, имея компоненты разных культур, конфессий, этнических групп внутри себя, мы не должны претендовать на роль мирового авангарда всех этих сил, иначе мы растворимся. Поэтому мне не нравится определение российской цивилизации как цивилизации всего Востока или части Востока. Мы слишком самобытные, мы сами по себе.

А.И. Неклесса:

Позвольте мне на правах руководителя семинара сопроводить свой вопрос некоторым рассуждением, произносимым с подспудной целью, несколько обострив ситуацию, повлиять таким образом на ход по сути уже разворачивающейся (хотя пока и подспудно) дискуссии.

Мы уже не одно заседание рассуждаем о своего рода идеальных сущностях — об идентичности и генетике российской цивилизации, русской цивилизации. Но, в то же время — уж не знаю с какой мерой успешности, — решаем

вполне определенную практическую проблему — проблему опознания и формализации оснований для построения внятной и долгосрочной российской стратегии в существенно новых условиях. Новых, как с точки зрения развития ситуации в мировом сообществе, так и в новом облике — геополитическом, геоэкономическом, культурном и смысловом — тысячелетней российской государственности.

Поэтому мой вопрос заключается в следующем: что же все-таки, на Ваш взгляд, является *основной* российской ценностью, *основной суммой* российских ценностей? На что делать России ставку, чтобы впоследствии не поскользнуться? Так, скажем, коллективизм, который прозвучал как одна из базовых ценностей российского общества, с одной стороны, достаточно часто повторяемая его черта, но существует ли она реально в современном нам российском обществе? Или же для него на практике более характерны атомизация и анонимизация? Нам ведь для столь ответственной и амбициозной задачи, как стратегическое проектирование судьбы России, в сегодняшнем остро конкурентном окружении не лозунги нужны, а устойчивые основания.

Так же и православная система ценностей: при выходе ее за пределы общекультурного и морально-ориентированного, экстенсивного по своей сути и уплощенного по духу формата реализации — не войдет ли она — в случае интенсивного, углубленного, духовно-ориентированного развития — в ценностный и, прямо скажу, социокультурный конфликт с наличием в теле российской государственности таких территорий, как Поволжье или Северный Кавказ? И, главное, какие механизмы окажутся при подобном курсе на духовное возрождение эффективно удерживающими политическое тело страны?

Или же имеющая определенную цивилизационную, в смысле субэкуменическую, перспективу комплексная (и полная подводных камней) тема «русских стран»? Длительное пребывание в теле российской государственности

таких субъектов, как Белоруссия и Украина, которые сейчас реализуют в то же время собственный формат суверенной государственности, — какие здесь можно увидеть ресурсы и обременения?

Что же я все-таки хочу сказать? Так ли уж необходимо обсуждать проблемы, возникающие с ближними и дальними партнерами преимущественно в негативном залоге? Мне хотелось бы услышать ответы как в западном, так и восточном векторах российской динамики именно в позитивном залоге — и хотя ценностные различия конфликтны, центр гравитации, по-моему, все же в создании на их основе альтернативного, по отношению к другим «градам на холме», не просто цивилизационного эскиза, но внятной и привлекательной — но и реалистичной — социально-политической и экономической конструкции. Иначе говоря, целостного, полнокровного общественного организма.

Итак, какова сумма тех ценностей российской цивилизации, с которой можно приступить к формулированию и реализации русского, российского проекта? Декларировать же, что российские ценности включают в себя также мусульманские ценности (равно как и то, что они их исключают), либо декларировать славянскую общность и одновременно постулировать евразийскую — не означает ли это «строительство здания на песке»?

В общем, для меня из собрания культурных кругов и духовных векторов веет эклектикой и синкретизмом, разнонаправленность которых раньше могла сковываться обручами имперской российской государственности; но в нынешнем трансграничном мире необходимо нечто иное, что и можно было бы внятно противопоставить. Не выстраивание лишь критической оппозиции по отношению к «секулярному Западу» с его достаточно внятной и неоднократно с разных сторон раскритикованной системой ценностей, проектов и институтов. Но какая «проектная основа», которую можно экстраполировать в будущее на два, три, четыре шага, закла-

дывается в основание российского проекта? Думаю, лишь в этом случае понятие «разделяет» приобретает не критически-деструктивный, а позитивно-конструктивный залог.

Ответ:

Во-первых, это очень большой разговор, я не берусь даже отвечать. Выделю три положения. Холизм, о котором я говорил, — целостность во всем, это проецируется на все. Холизм — это совершенно особенная, отдельная философия, отдельная наука, отдельная политика, отдельная социология, отдельная культурная система.

Второй момент. Все-таки, мы являемся традиционным обществом; но в отличие от других традиционных обществ, мы видим это не просто как естественную инерцию, а как мессианский проект. Вот это, как мне представляется, отличает и нашу, евразийскую цивилизацию — это мессианство. Мы считаем, что статус-кво, который есть, его не просто надо защитить как дань тому, что произошло и сложилось, не только по инерции, не только из консерватизма, но и как некий результат истории. Мы превращаем наше прошлое в наше будущее, поэтому мы мессианский народ. Мы холисты, представители традиционного общества, наделенные мессианской целью. Плюс, конечно, православие играет здесь осевую роль; но исламские или, может быть, другие представители небольших миноритарных общин тоже могут найти себе место в этом проекте.

Вопрос (Л.И. Никовская):

Скажите, пожалуйста, почему мы столь неэффективны? Я имею в виду Россию, российское общество, российскую цивилизацию.

Ответ:

Я отвечу очень просто. Потому что эффективность не является нашей ценностью.